

Тимур Владимирович Гимадеев

Кандидат исторических наук, преподаватель, Казанский государственный аграрный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия. 420015, ул. Карла Маркса, 65.

E-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com

«История города Праги» В. В. Томека: переосмысляя национальный нарратив

В статье рассматривается «История города Праги» Вацлава Владивоя Томека — работа, в которой был частично пересмотрен нарратив национальной истории Чехии, выстроенный Франтишеком Палацким в «Истории чешской нации». «История города Праги» стала делом жизни Томека, отразив научные интересы, которые сформировались у него еще в юности: историю гуситского движения и историю Праги. Итоговые очертания замысел этой работы обрел в 1850-е годы, когда в силу ряда причин произошла жизненная и научная сепарация Томека от Палацкого, бывшего его учителем. Несмотря на это, однако, в оценке периода национальной истории до конца XIV в. В. В. Томек и Ф. Палацкий в целом сходились. Более серьезные отличия в трактовке национальной истории Томека начали проявляться при оценке гуситского периода. Это было вызвано как консервативными и католическими убеждениями Томека, которые контрастировали с либерализмом и протестантизмом Палацкого, так и принципиально разными подходами двух историков к исследованию данного исторического периода. Оценка событий гуситской эпохи в «Истории города Праги» В. В. Томека в небольшой степени выростала из его исследований исторической топографии Праги, которые нашли выражение в его «Основах старопражской топографии». Воссоздав историю большей части домов в черте исторического ядра Праги, Томек обнаружил, какой серьезный ущерб нанесла городу эпоха гуситских войн. Как вследствие этого, так и соглашаясь со своими убеждениями, Томек не мог, подобно Палацкому, сочувствовать гуситскому радикализму, но, будучи чешским патриотом, не мог занять и антигуситскую позицию. Потому историю гуситского движения он описывал с позиций политического центра, а в фокус внимания поставил фигуру Яна Жижки из Троцнова. Интеграция образа Яна Жижки в исторический нарратив, созданный, прежде всего, Ф. Палацким, и стала главным успехом В. В. Томека, в целом же его работа осталась невостребованной широкой чешской общественностью, главным образом — из-за отсутствия концептуальности, некой магистральной линии исторического нарратива, которая была в «Истории чешской нации» Палацкого.

Ключевые слова: история Чехии, чешская историография, XIX век, Франтишек Палацкий, Вацлав Владивой Томек, история Праги, гуситское движение

Статья поступила в редакцию: 7 июня 2025 г.

Статья принята к публикации: 1 июля 2025 г.

Цитирование: Гимадеев Т.В. «История города Праги» В.В. Томека: переосмысляя национальный нарратив // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 249–273. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.9>

В чешской историографии второй половины XIX в. существовало две крупные работы, написанные с целью изложения нарратива национальной истории периода Средневековья. Первой из них была «История чешской нации» Франтишека Палацкого (1798–1876), созданная в 1848–1876 гг. и освещавшая историю Чехии с древнейших времен до 1526 г., когда после битвы у Мохача Чешские земли вошли в состав державы Габсбургов¹. Ядром исторической концепции Палацкого был тезис о «контакте и столкновении» славян и немцев на чешской земле как движущей силе истории Чехии, при этом славяне представлялись как носители ценностей «свободы и равенства», в то время как немцы выставлялись поборниками «феодалных порядков»². Высшей точкой «контакта и столкновения», а равно и всей истории Чехии, Палацкому виделось гуситское движение в Чехии XV в., которое трактовалось автором «Истории чешской нации» в духе борьбы между славянской демократией и немецким феодализмом³. Предложенная Ф. Палацким трактовка истории Чехии прошла проверку временем: «История чешской нации» выдержала семнадцать изданий, последнее из которых увидело свет в 2017 г.⁴, а историческая концепция Палацкого легла в основу представлений Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) о «смысле чешской истории»⁵, которые в период Первой Чехословацкой республики стали частью государственной идеологии⁶. Взгляды на историю Ф. Палацкого влияли и на идеологические

¹ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě.* Praha: Kalve, 1848–1876. D. I.–V. / 1. vyd. CXVII + 4852 s.

² *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě.* Praha: Kalve, 1848. D. I. / 1. vyd. S. 9–15.

³ Галямичев 1988: 15–20.

⁴ *Palacký F. Dějiny národu českého. Sv. I–V.* / 17. vyd. Praha: Ottovo nakladatelství, 2017. 2555 s.

⁵ Мельников 2012.

⁶ Бобраков-Тимошкин 2008: 59–64.

установки социалистической Чехословакии⁷. Уже в постсоциалистический период произошла серьезная переоценка исторической концепции Палацкого, промежуточные результаты которой чешский историк И. Штайф в 1997 г. охарактеризовал таким образом: «в следующее столетие (а по стечению обстоятельств также и в тысячелетие) чешская историография войдет скорее без Палацкого, чем с Палацким»⁸.

Пересмотр исторической концепции, представленной в «Истории чешской нации» Ф. Палацкого, естественным образом пробудил интерес к творчеству другого историка, разрабатывавшего во второй половине XIX в. свою версию нарратива национальной истории. Им был Вацлав Владивой Томек (1818–1905), из-под пера которого в 1855–1901 гг. вышла 12-томная «История города Праги»⁹. В этом труде ученому удалось продвинуться на восемьдесят два года дальше — его незаконченная, по сути, работа, завершалась Либенским миром 1608 г., существенно подорвавшим позиции Рудольфа II (1576–1611/1612 гг.). Несмотря на название, «История города Праги» нередко пересекала рамки городской истории, что признавал и сам автор, утверждая, что Прага — это «очаг всей общественной жизни чешской нации» и в этой связи «история Праги не должна ограничиваться сюжетами исключительно местного характера»¹⁰. Потому «Историю» В. В. Томека неизбежно сравнивали с «Историей» Ф. Палацкого.

Точкой отсчета в истории изучения научного наследия В. В. Томека следует считать 1898 год — на него пришлось 80-летний юбилей самого Томека и столетие со дня рождения Палацкого. Только начинавший научный путь выдающийся гуситолог Вацлав Новотный (1869–1932), на протяжении многих лет бывший одним из ближайших сотрудников и помощников Томека¹¹, в статье, посвященной 80-летию историка, достаточно открыто признавал превосходство «Истории чешской нации» над «Историей города Праги»: «архитектурно здание Палацкого стоит выше, чем томековское»¹². Другой крупный гуситолог, Рудольф Урбанек (1877–1962) писал

⁷ Górný 2018.

⁸ Štaif 1997: 3.

⁹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Říwnáč, 1855–1901. D. I.–XII. / 1. vyd. LVI + 6183 s.

¹⁰ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Říwnáč, 1879. D. IV. / 1. vyd. S. I–II.

¹¹ Hoffmannová 2014: 68–70.

¹² Novotný 1898: 156.

о Томеке уже в связи с его 85-летием. Сравнивая «Историю» Палацкого и «Историю» Томека, он в общем и целом пришел к схожим выводам, утверждая, что «своей реалистической трактовкой» Томек лишь «дополнял и частично исправлял» Палацкого¹³.

Несколько иного мнения придерживался Ярослав Голл (1846–1929), ведущая фигура чешской историографии рубежа XIX–XX вв. Еще в 1898 г., рассматривая влияние Ф. Палацкого на чешскую историографию, он охарактеризовал В.В. Томека как вполне самостоятельную историографическую величину: «Томек шел своим путем», — писал Голл¹⁴. В некрологе на В.В. Томека он говорил об «Истории города Праги» как о труде, вполне сопоставимом с работой Ф. Палацкого: «“История города Праги”, наряду с “Историей” Палацкого — наша вторая большая “История Чехии”». Томек оценивался Я. Голлом как «более объективный» историк, чем Ф. Палацкий, хотя он обозначал и пределы объективности первого¹⁵.

Существенные изменения в оценке жизни и творчества Томека привнесли обстоятельства политической истории начала XX в. После революционных событий 1918 г., создания Первой Чехословацкой республики, которую возглавил Г. Масарик, о В.В. Томеке сложился «миф предателя» — устойчивое представление, согласно которому более консервативная трактовка истории Чехии в его творчестве объяснялась в первую очередь тем, что якобы он, в отличие от Палацкого, руководствовался корыстными мотивами карьеризма. Наибольший вклад в формирование этого представления внес историк Ярослав Верштадт (1888–1970)¹⁶. При этом в историографии периода Первой Чехословацкой республики, конечно же, было место и для других оценок. Так, Йозеф Пекарж (1870–1937), ученик Я. Голла, в работе «Ян Жижка и его эпоха» уделил особое внимание сравнению исторического портрета Жижки, созданного Ф. Палацким и В.В. Томеком. Вопреки как консервативным убеждениям Пекаржа, так и факту того, что он был учеником Я. Голла, историк дал куда более высокую оценку творчеству Ф. Палацкого: «Жижка Томека есть плод ошибки, Жижка Палацкого намного ближе к действительности»¹⁷.

¹³ Urbánek 1903: 24.

¹⁴ Goll 1928a: 37.

¹⁵ Goll 1928b: 126–127.

¹⁶ Jiroušek 2008.

¹⁷ Pekař 1930: 286.

По иронии истории, в социалистический период, особенно в его первое десятилетие, Й. Пекарж, объявленный реакционным и даже космополитическим историком, выступал в качестве последователя исторической концепции В. В. Томека¹⁸, который также обвинялся в реакционных и проавстрийских взглядах¹⁹. В более поздний период «миф предателя» нашел отражение в работе Д. Ержабека о взаимоотношениях В. В. Томека и Карела Гавличека-Боровского (1821–1856) в 1850-е годы²⁰. Однако начиная с 1960-х годов начали появляться и более сдержанные оценки творчества В. В. Томека. Я. Марек и Ф. Кутнар в «Обзорной истории чешской и словацкой историографии» фактически вернулись к позиции В. Новотного, сформулированной им в конце XIX в.²¹ Й. Яначек в работе о предбелогорском периоде признал, что одиннадцатый том «Истории» В. В. Томека — это «все еще наиболее подробная реконструкция политического развития Чехии в 1526–1547 гг.»²².

Дорога для широкого и всестороннего пересмотра «мифа предателя» открылась, как и было сказано выше, уже в постсоциалистический период. Высокую оценку научное наследие Томека получило в «Гуситской революции» Франтишека Шмагеля (1934–2025), одного из наиболее выдающихся современных гуситологов: «Томек один выполнял задачи, для которых сегодня не хватило бы и целых коллективов»²³. Научному творчеству В. В. Томека уделил внимание и другой виднейший гуситолог современности — Петр Чорней²⁴.

Большее значение, однако, имело внимание к фигуре В. В. Томека новых поколений чешских историков. К его наследию обратились такие авторы, как М. Ржезник²⁵, Б. Ироушек²⁶, И. Штайф²⁷. Столетию со дня смерти В. В. Томека была посвящена научная конференция, состоявшаяся в 2005 г. в г. Градец-Кралоуе, материалы этой

¹⁸ Kočí 1953: 75–76.

¹⁹ Macek (red.) 1953: 15–16.

²⁰ Jeřábek 1978.

²¹ Kutnar, Marek 1997: 291.

²² Janáček 1968: 269.

²³ Šmahel 1993: 18.

²⁴ Čornej 2016.

²⁵ См., например: Řezník 2005; Řezník 2016; Řezník (red.) 2006a.

²⁶ См., например: Jiroušek 2005; Jiroušek 2008..

²⁷ Štaif 1997: 83–87, 110–111, 115–123, 130–134, 170–174.

конференции существенно обогатили историографию о В.В. Томеке²⁸. В последнее десятилетие важным событием стала состоявшаяся в 2019 г. защита диссертации историка Р. Паздерского, ставшего, таким образом, автором первого крупного монографического исследования о В.В. Томеке²⁹. Однако в этой работе Р. Паздерский уделил значительно больше внимания деятельности В.В. Томека как автора учебников по истории, чем его «Истории города Праги», на что в своей рецензии указал историк М. Нодл³⁰, один из крупнейших специалистов по чешской историографии.

Вместе с тем «История города Праги» представляет собой важнейшую и крупнейшую часть научного наследия В.В. Томека, его *opus vitae*. И хотя изучение научного наследия В.В. Томека продолжается почти сто тридцать лет, по-прежнему остается ряд вопросов, которые еще ждут решения. Почему «История чешской нации» Ф. Палацкого выдержала шестнадцать переизданий, а «История города Праги» была переиздана чуть более чем наполовину лишь однажды, и в основном — при жизни автора?³¹ В какой степени можно считать «Историю города Праги» самостоятельным нарративом национальной истории, а не своеобразным «дополнением» к «Истории» Ф. Палацкого? Историческая концепция какого автора, пройдя через более чем столетнюю проверку временем, может быть признана, с высоты современного уровня исторического знания, более «объективной»? Попытке дать ответы на вышеперечисленные вопросы и посвящена настоящая работа.

Появление замысла

Следует отметить, что Вацлав Владивой Томек, родившийся в расположенном на востоке Чехии городе Градец-Кралов и окончивший в 1839 г. юридический факультет Пражского университета³², началом научной карьеры обязан Франтишеку Палацкому. Почти сразу же после того, как они познакомились в 1839 г., Томек получил работу воспитателя в его семье и стал не только ближайшим помощником

²⁸ Řezník (red.) 2006b.

²⁹ Pazderský 2019.

³⁰ Nodl 2022.

³¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D.I.–XII. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1855–1901. LVI + 6183 s.

³² Pazderský 2019: 124–137.

и сотрудником Палацкого, но и его научным наследником, «крон-принцем»³³. Хотя в первых исторических работах В. В. Томека, опубликованных в журнале *Kwěty* еще в 1837 г. — то есть до знакомства с Ф. Палацким, — уже и наметился круг интересов В. В. Томека: вопросы городской истории³⁴ и истории гуситского движения³⁵; навыки историка-исследователя В. В. Томек освоил уже под руководством Ф. Палацкого. Справедливыми, таким образом, представляются слова Р. Урбанека из брошюры, посвященной 85-летию В. В. Томека: «Чем Томек стал, стал он при помощи Палацкого»³⁶.

Однако первые разногласия между Ф. Палацким и В. В. Томеком в вопросе трактовки событий национальной истории появились еще в «ученический» период. В 1849 г., к 500-летию со дня основания Пражского университета, вышла первая крупная работа В. В. Томека: «История Пражского университета», написанная в двух версиях: чешская монографически рассматривала неполное первое столетие истории университета, с момента основания до Иглавских компактатов 1436 г.³⁷, немецкая же представляла собой очерк всей пятисотлетней истории университета³⁸. В этой работе историк, в частности, выразил сожаление по поводу исторических последствий Кутногорского декрета 1409 г., который дал первенство в вопросах управления университетом чешской «нации» и спровоцировал исход немецких студентов и профессуры из Праги. С горечью отмечая, что «погибла слава учреждения, объединявшего в себе всю ученую Германию», Томек пришел к выводу о том, что падение роли Пражского университета сыграло негативную роль и в истории Чехии³⁹. Ф. Палацкий в вышедшей в 1845 г. первой части третьего тома пока еще немецкоязычной «Истории Чехии», напротив, оценивал историческую роль Кутногорского декрета как положительную: и для истории Чехии, и для истории Германии⁴⁰.

³³ Pazderský 2014: 360–364.

³⁴ Tomek W. W. Staře příběhy města Hradce nad Labem // Kwěty: národní zábavník pro Čechy, Morawany a Slowáky. 1837. № 10. S. 78–79; № 11. S. 85–86; № 12. S. 94–95.

³⁵ Tomek W. W. Bratrstwa Tábořského zkáza // Kwěty: národní zábavník pro Čechy, Morawany a Slowáky. 1837. № 24. S. 189–191; № 25. S. 198–200; № 26. S. 206–207.

³⁶ Urbánek 1903.

³⁷ Tomek W. W. Děje university Pražské. Praha: Řiwnáč, 1849. 320 s.

³⁸ Tomek W. W. Geschichte der Prager Universität. Prag: Haase, 1849. VI + 377 s.

³⁹ Tomek W. W. Děje university Pražské. S. 151–153.

⁴⁰ Palacký F. Geschichte von Böhmen. Prag: Kronberger & Weber, 1845. Bd. III. Abth. 1. S. 236–238.

Вместе с тем эти расхождения в позиции двух историков во многом отражают мировоззренческие отличия, заложенные уже самим происхождением Ф. Палацкого и В. В. Томека. Ф. Палацкий был выходцем из семьи тайных приверженцев Общины чешских братьев, сумевших сохранить свою веру вплоть до принятия Патента толерантности 1781 г., разрешившего свободное исповедание Аугсбургского и Гельветского исповеданий⁴¹; В. В. Томек же был урожденным католиком и причислял себя к католикам на протяжении всей жизни⁴².

Более глубинной причиной последующего расхождения позиций двух историков, однако, представляются события 1850-х годов, эпохи «неоабсолютизма», или «Баховской реакции» в Австрийской империи. Ф. Палацкий в этот период, по сути, ушел из общественной жизни, сосредоточившись на работе над своей «Историей чешской нации», в то время как В. В. Томек, сблизившийся с проправительственными, консервативными кругами, ведущим представителем которых был граф Леопольд-Лев (Лео фон) Тун-Гогенштайн (1811–1888), возглавлявший в годы «Баховского абсолютизма»⁴³ имперское Министерство культов и просвещения, развил бурную активность: В. В. Томек печатался в консервативной газете *Vídeňský denník* («Венский дневник»), в 1850 г. занял профессорскую кафедру в Пражском университете, став экстраординарным профессором австрийской истории, а в 1854 г. возглавил и Музей Чешского королевства, руководителем которого до 1852 г. был сам Палацкий⁴⁴. К этому же периоду жизни Томека относится и попытка создания в Пражском университете исторического семинара по образцу знаменитого семинара Леопольда фон Ранке (1795–1886)⁴⁵.

Такая метаморфоза в жизни В. В. Томека радовала далеко не всех его старых знакомых. Широко известна горячая ссора, разгоревшаяся между Томеком и Гавличеком-Боровским. В менее острой форме

⁴¹ Kořalka 1998: 19–21.

⁴² Pazderský 2019: 124, 153–155.

⁴³ *Баховский абсолютизм* — период в истории Австрийской империи (1849–1859 гг.), когда внутреннюю политику определял министр внутренних дел барон Александр Бах (1813–1893), сторонник последовательной централизации и ограничения политических свобод.

⁴⁴ Pazderský 2019: 155–180.

⁴⁵ Řezník 2016.

произошел разрыв Томека и Палацкого, вызванный главным образом конфликтом из-за руководства Музеем Чешского королевства⁴⁶. Последствием этого стал семилетний перерыв в общении двух историков⁴⁷.

Этот период личной и научной сепарации стал и тем этапом научной биографии В. В. Томека, на котором он приступил к разработке своего *opus vitae* — «Истории города Праги». В значительной степени итоговый замысел этой работы вырос из расхождений с Ф. Палацким: известна переписка Томека с Йозефом Иречком (1825–1888)⁴⁸, в которой они оба выражали недовольство вышедшим в 1850–1851 гг. «гуситским» третьим томом «Истории чешской нации» Палацкого. На этом этапе у Томека возникло желание иначе изложить историю гуситского движения, основываясь на схожем круге исторических источников⁴⁹. Так возникла идея превращения «Истории города Праги», по крайней мере частично, в альтернативу «Истории чешской нации» Палацкого. Сам же проект создания масштабной работы о городской истории возник еще в первый год знакомства Палацкого и Томека⁵⁰, но, по всей видимости, изначально он рассматривался в большей степени как дополнение к «Истории чешской нации»⁵¹.

Начало «Истории»

Первый том «Истории города Праги»⁵² вышел из печати в августе 1855 г. Основная часть работы над ней, судя по мемуарам Томека, заняла примерно год, с весны 1854 г. по весну 1855 г.⁵³ В первом томе, состоящем из двух частей, рассматривалась история города с древнейших времен до начала правления Карла IV. Помимо этого, в достаточно кратком введении к работе автор описал свой замысел. Здесь он дальновидно признал, что написание истории Праги — это «задача на всю жизнь»⁵⁴. Кроме того, автор предупредил читателя

⁴⁶ Kořalka 1998: 363–368.

⁴⁷ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. Praha: Řiwnáč, 1904. S. 390–442.

⁴⁸ Butter 1931: 157–167.

⁴⁹ Čornej 2016: 81–82.

⁵⁰ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 412.

⁵¹ Pazderský 2019: 137.

⁵² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1855. XVI + 630 s.

⁵³ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 406, 412.

⁵⁴ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. IX.

о том, что его «усилия при написании истории Праги были направлены не только на внешние события, но, в большей степени, на изображение общественной жизни Праги во всех ее аспектах», вследствие чего «в первой части этой книги гораздо больше места отведено описанию государственного, городского и церковного устройства, промыслам граждан и общественным событиям всякого рода, чем самому историческому повествованию»⁵⁵. Таким образом, Томек сразу дал понять читателю, что его «История» должна стать чем-то большим, чем нарратив политической истории.

Во введении к первому тому ученый изложил и свое видение периодизации истории Праги⁵⁶. Похожим образом во введениях к первому⁵⁷ и третьему⁵⁸ томам «Истории чешской нации» поступил и Палацкий. Представляется целесообразным сравнить подходы к периодизации двух историков (табл. 1). Примечательно, что оба автора разделили историю Чехии на шесть периодов.

Таблица 1

Периодизация чешской истории Ф. Палацкого и В. В. Томека

№ периода	Согласно тому III «Истории чешской нации» Ф. Палацкого	Согласно тому I «Истории города Праги» В. В. Томека
1	До 1253 г.	До 1235 г.
2	1253–1403 гг.	1235–1348 гг.
3	1403–1439 гг.	1348–1436 гг.
4	1439–1526 гг.	1436–1547 гг.
5	1526–1627 гг.	1547–1784 гг.
6	С 1627 г.	С 1784 г.

Таким образом, ранний период чешской истории оба автора определяли примерно одинаково и полагали его концом активизацию немецкой колонизации чешских земель в XIII в. Период с середины XIII в. по начало XV в. Палацкий рассматривал как единый период немецкой колонизации, в то время как Томек устанавливал гранью этого периода начало правления Карла IV, основавшего пражский Новый город. Период правления Карла IV и Вацлава IV,

⁵⁵ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. X.

⁵⁶ Ibid. S. XI.

⁵⁷ Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. I. / 1. vyd. S. 19–38.

⁵⁸ Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. 1. vyd. Praha: Kalve, 1850. D. III. Č. 1. S. VII–VIII.

равно как и эпоху гуситских войн, историк воспринимал как единый период «борьбы чешской национальности и ее противостояния с немецкой», в то время как Палацкий отделял гуситскую эпоху от правления Карла IV. Период с момента окончания гуситских войн до установления господства Габсбургов над чешскими землями оба историка определяли как эпоху доминирования чешского элемента над немецким, разве что устанавливали разные рамки ее завершения — Палацкий считал такой границей битву при Мохаче, а Томек — поражение Сословного восстания 1547 г. Палацкий в 1850 г. еще надеялся успеть рассмотреть столетие между битвой при Мохаче и принятием Обновленного земского уложения в 1627 г. как эпоху борьбы за независимость Чехии от державы Габсбургов, в то время как В. В. Томек планировал осветить в рамках одного тома всю «Габсбургскую» эпоху вплоть до объединения пражских муниципалитетов при Иосифе II (1765/1780–1790 гг.). Показательно, что Ф. Палацкий после поражения революции 1848 г. рассматривал в качестве нижней хронологической рамки современного периода в истории Чехии принятие Обновленного земского уложения, в то время как В. В. Томек считал за таковую эпоху йозефинистских реформ.

Из вышеизложенного следует, что в трактовке раннего периода чешской истории у двух авторов не было существенных расхождений. Примечательно, что и Палацкий, и Томек не просто были убеждены в аутентичности Зеленогорской и Краледворской рукописей⁵⁹, но и активно ссылались на них в своих работах⁶⁰. На почве же отношения к «Рукописям», единства в защите точки зрения об их аутентичности два историка восстановили дружеские отношения в 1859 г.⁶¹, однако о восстановлении ученического статуса Томека речи уже не шло.

⁵⁹ *Kralédvorská a Zelenohorská rukopis* — литературные подделки, якобы открытые В. Ганкой в 1817–1818 гг., представляли собой эпические поэмы, содержащие сведения по истории средневековой Чехии самого широкого спектра, от организации общества Чехии дохристианского периода до вымышленной битвы при Оломоуце, в ходе которой чехи будто бы в одиночку остановили татарское нашествие. По теме см.: Лаптева 2002.

⁶⁰ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. I. / 1. vyd. S. 204–214; Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. 3–6.*

⁶¹ *Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 443.*

«Основы старопражской топографии»

Если первый том «Истории города Праги» вышел в 1855 г., то второй том увидел свет лишь в 1871 г.⁶² — спустя шестнадцать лет. Столь долгий перерыв был вызван тем, что при написании второго тома своей «Истории» Томек осознал необходимость исследования исторической топографии города⁶³. Примечательно, что Палацкий столкнулся со схожей проблемой при разработке вопросов истории гуситского движения и был вынужден, по собственному признанию, «пожертвовать три года»⁶⁴ подготовке издания под названием «Описание Чешского королевства»⁶⁵, в работе над которым ему помогал и В. В. Томек⁶⁶. К 1864 г. он понял, что не сможет интегрировать свои топографические штудии в состав «Истории города Праги»⁶⁷. Так появилось новое издание — «Основы старопражской топографии», выход которого начался в 1866 г., а закончился девятью годами позже⁶⁸.

В этой работе ученый попытался воссоздать историю всех домов, существовавших до 1436 г. в пределах исторического ядра Праги, в состав которого входят традиционные четыре пражских муниципалитета — Старый город, Новый город, Градчаны и Мала-Страна, а также Вышеград. Работа представляла собой, по сути, таблицу, в которой указывался современный на момент издания конскрипционный номер дома, присвоенный при Марии Терезии (1740–1780 гг.), и выписки из исторических источников, идентифицированные Томеком как принадлежавшие данному дому. Основным источником для него служили, помимо городских книг, обнаруженные им в архиве города Праги договоры купли-продажи, а также судебные записи: по собственным подсчетам, в ходе работы над «Основами старопражской топографии» историк рассмотрел не менее двенадцати тысяч источников такого типа⁶⁹.

⁶² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1871. IV + 554 s.

⁶³ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 452.

⁶⁴ Palacký F. Vlastní životopis Františka Palackého / vyd. M. Č. Riegrova. Praha: Šimáček, 1888. S. 33.

⁶⁵ Palacký F. Popis království Českého. Praha: Kalve, 1848. — VIII + 608 s.

⁶⁶ Pazderský 2019: 444.

⁶⁷ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. II. Praha: Řiwnáč, 1905. S. 93.

⁶⁸ Tomek W. W. Základy starého místopisu pražského. Odd. I.–V. Praha: KČSN, 1866–1872. 901 s.; *Idem*. Základy starého místopisu pražského: Registřík jmen osobních. Praha: KČSN, 1875. VI + 187 s.

⁶⁹ Pazderský 2019: 449.

Значение этой работы трудно переоценить. Как писал младший современник В. В. Томека, выдающийся гуситолог Вацлав Новотный (1869–1932): «Даже если бы Томек не написал более ничего иного, одних лишь “Основ” хватило бы для того, чтобы сохранить о нем долгую память»⁷⁰. С течением времени значение «Основ» лишь возросло: особенно ценными они стали после мая 1945 г., когда пожар в Староместской ратуше уничтожил многие документы архива города Праги, так что выписки из работы В. В. Томека зачастую являются единственным свидетельством о былом существовании и содержании ряда ценных исторических источников⁷¹. Кроме того, «Основы старопражской топографии» сыграли огромную роль в исследовании В. В. Томеком гуситского периода истории города и страны.

Гуситская Прага и Чехия в трудах В. В. Томека

Уже в вышедшем в 1871 г. втором томе «Истории города Праги» В. В. Томек частично отошел от своего плана периодизации истории города, посвятив отдельную книгу истории Праги во времена правления Карла IV, отделив эту эпоху от периода правления Вацлава IV⁷². Правление Вацлава IV целиком, вплоть до смерти короля в августе 1419 г., было рассмотрено в третьем томе «Истории» Томека, который был опубликован в 1875 г.⁷³

Том открывает своего рода «гуситскую эпопею» в рамках «Истории города Праги», охватывая начальный период истории гуситского движения. Собственно гуситские войны Томек рассмотрел в четвертом томе своей «Истории», вышедшем в 1879 г.⁷⁴, одновременно с его же работой о Яне Жижке, ставшей важным дополнением к «Истории города Праги»⁷⁵. В пятом томе он отошел от нарратива, целиком отдав том под список сановников: королевских, городских и церковных, занимавших должности в период 1378–1436 гг.⁷⁶ К изложению истории

⁷⁰ Novotný V. Tomek // Ottův slovník naučný. D. XXV. Praha: Otto, 1906. S. 539–540.

⁷¹ Pazderský 2019: 465.

⁷² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II.

⁷³ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1875. D. III. / 1. vyd. IV + 664 s.

⁷⁴ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1879. D. IV. / 1. vyd. IV + 747 s.

⁷⁵ Tomek W. W. Jan Žižka. Praha: Otto, 1879. II + 228 s.

⁷⁶ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1881. D. V. / 1. vyd. V + 270 s.

города Томек вернулся в томах шестом⁷⁷ и седьмом⁷⁸, которые посвящал периоду 1436–1478 гг., эпохе, большую часть которой Ф. Палацкий характеризовал как «подебрадскую» эпоху, видя в ней продолжение гуситского движения⁷⁹. В томах восьмом⁸⁰ и девятом⁸¹ он описывал топографию Праги XV в., а также привел список сановников за период 1436–1478 гг. Таким образом, больше половины своей «Истории» Томек посвятил событиям, связанным с историей гуситского движения, из чего логически проистекает вывод о том, что в «Истории» В.В. Томека, равно как и в «Истории» Ф. Палацкого, гуситское движение было центральной, узловой темой. В этом два историка сходились.

Частично совпадали их позиции и по вопросу предпосылок гуситского движения. Палацкий рассматривал гуситское движение как вершину славяно-германского столкновения, в котором он видел движущую силу истории Чехии, при том этому противостоянию он придавал смысл борьбы «мирного» чешского народа за идеалы свободы против немецкого «народа-завоевателя», принесшего в Чехию феодальные порядки⁸².

Томек также уделил национальному противостоянию чехов и немцев важное место, утверждая, что «враждебный отпор», с которым немцы встречали «чешские устремления», был одной из важнейших причин гуситского движения⁸³. Однако он не делал настолько далекоидущих выводов, как Палацкий, и не придавал чешско-немецкому противостоянию характер борьбы демократии и феодализма. Вообще отход от свойственных для него обобщений философского характера был одной из главных отличительных черт «Истории города Праги», что породило впоследствии обвинения Томека в «сухопарости»⁸⁴.

Схожим образом различия в историческом мышлении Ф. Палацкого и В.В. Томека проявились в трактовке фигуры Яна Гуса,

⁷⁷ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1885. D. VI. / 1. vyd. III + 358 s.

⁷⁸ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1886. D. VII. / 1. vyd. VII + 422 s.

⁷⁹ Palacký F. Stručný přehled dějin českých doby starší (až po rok 1526) / vyd. přípr. R. Havel, dosl. naps. J. Charvát. Praha: Odeon, 1976. S. 87.

⁸⁰ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1891. D. VIII. II + 547 s.

⁸¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1893. D. IX. III + 425 s.

⁸² Palacký F. Die Geschichte des Hussitenthum und Prof. Constantin Höfler. Prag: Tempský, 1868. S. 74–89

⁸³ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II. S. 519.

⁸⁴ См., например: Macek (red.) 1953: 16–17.

которого оба автора считали самым важным деятелем в истории гуситского движения. Томек описал Яна Гуса как «мужа необычайных даров духа, призванного к осуществлению решающего поворота в состоянии церковных дел»⁸⁵. В тех же тонах портрет Яна Гуса нарисовал и Палацкий: его Гус — это «человек безусловной чистоты помыслов», «невероятной начитанности», талантливый оратор и писатель, ведомый «горячей устремленностью к облагораживанию нации и исправлению всего того, что тогда в церкви было нарушено»⁸⁶.

Разница в трактовке жизни и деятельности Яна Гуса двумя авторами заключалась в различном понимании того, как именно он хотел «исправить» «церковные дела». В. В. Томек отстаивал точку зрения, заключающуюся о том, что Ян Гус не желал введения никаких «новшеств догматических и литургических» и в целом оставался в рамках тогдашнего учения католической церкви⁸⁷. Палацкий же во втором издании третьего, «гуситского», тома своей «Истории» называл Яна Гуса «основателем протестантизма»⁸⁸, который к началу Констанцского собора уже «стоял совсем на другой почве, нежели та, на которой католическая церковь стоит и по сей день»⁸⁹. Представляется, что важную роль в расхождении двух авторов сыграла разница в их вероисповедании.

Знаменитый приговор Констанцкого собора оба автора, несмотря на вышеизложенные расхождения, считали несправедливым, отмечая, что праведное негодование, вызванное этим приговором, охватило широкие слои чешского общества⁹⁰.

Описывая постепенное формирование фракций внутри гуситского движения, В. В. Томек не скрывал антипатии к радикальным гуситам, считая, что рычаги управления этим движением находились в руках «менее ученых», темных священников из глубинки, которые своими действиями спровоцировали религиозный раскол в народе и ожесточение противников гуситского движения⁹¹. Палацкий, опи-

⁸⁵ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 433.*

⁸⁶ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. III. Č. 1. / 1. vyd. S. 66.*

⁸⁷ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 542.*

⁸⁸ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. 2. vyd. Praha: Tempský, 1870. D. III. Č. 1. S. 226.*

⁸⁹ *Ibid. S. 199.*

⁹⁰ Ср.: *Ibid. S. 256; Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 596.*

⁹¹ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 611–612.*

сывая гуситские фракции менее пристрастно, подчеркнул, что среди гуситских радикалов были такие люди, как «Микулаш из Пельгржинова, муж ученый и серьезный», а более воинственная позиция этой фракции проистекала, по мнению Палацкого, из ее приверженности демократическим и даже республиканским идеям⁹², в которых автор «Истории чешской нации» видел проявление исконно славянского духа. Сходились оба автора в том, что видели в радикальных гуситах прдшественников будущих протестантов.

Исторической фигурой, в трактовке которой В. В. Томек и Ф. Палацкий заняли прямо противоположные позиции, была личность Яна Жижки из Троцнова. Расхождения между авторами проявились с самого первого крупного появления Яна Жижки на страницах их «Историй»: событий 30 июля 1419 г. Палацкий описывал Жижку как одного из главных зачинщиков беспорядков⁹³, в то время как Томек высказал сомнение в том, что Жижка вообще был активным участником этих событий⁹⁴.

Личность Яна Жижки играла в историческом нарративе В. В. Тоमेка настолько значительную роль, что параллельно с четвертым томом своей «Истории», описывающей события эпохи гуситских войн, которую он понимал как период между смертью Вацлава IV в 1419 г. и заключением Иглавских компактатов 1436 г.⁹⁵, опубликовал еще одну работу — собственно, биографию Яна Жижки из Троцнова⁹⁶. Если Ян Жижка из «Истории чешской нации» Палацкого — это «фанатик благочестия», защитник «языка чешского и славянского», который «ненавидел феодальное владычество» и был готов «убивать всех тех, кто для него уже не был жив», но при этом был лишен политических «наклонностей»⁹⁷, то Жижка Томека — это «муж, который всегда стремился к сохранению государственного порядка, противник неразумного безвластия», хотевший сохранить монархию, лишь сменив Сигизмунда Люксембургского на Сигизмунда Корибутовича⁹⁸,

⁹² *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. III. Č. 1. / 2. vyd. S. 321–323.*

⁹³ *Ibid. S. 291–293.*

⁹⁴ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 638.*

⁹⁵ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. IV. / 1. vyd. Praha: Řivnáč, 1879.*

⁹⁶ *Tomek W. W. Jan Žižka. Praha: Otto, 1879.*

⁹⁷ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. 2. vyd. Praha: Tempský, 1872. D. III. Č. 2. S. 211–213.*

⁹⁸ *Tomek W. W. Jan Žižka. S. 211.*

противник «новшеств» таборских священников⁹⁹ и талантливый политик, способный, например, сохранить свое влияние на гуситский Табор и после ухода оттуда, политическим кредо которого были «закон Божий, общее благо и защита чешской земли»¹⁰⁰. Если для Палацкого смерть Яна Жижки — «событие для страны очень желанное и полезное»¹⁰¹, то для Томека — сорванный триумф, ведь Жижка, по его мнению, был на пороге того, чтобы дать Чехии «короля и упорядоченную власть над страной, с которой она могла бы с большей энергией сражаться против врагов своих религиозных устремлений»¹⁰². В то время как Палацкий полагал, что высшим достижением эпохи гуситских войн была победа в битве у Домажлиц 1431 г.¹⁰³, то для Томека продолжение боевых действий виделось не просто бессмысленным, но и губительным для города и страны.

Негативные последствия гуситских войн Томек мог оценить в ходе своих топографических штудий. Их результаты он сумел переложить с сухого языка таблиц в текстовую форму в восьмом томе «Истории города Праги», где указал на то, что разрушения, которым «за относительно короткий период» подвергся город, были настолько значительными, что преодолеть их последствия удалось лишь к началу XVI в.¹⁰⁴ Представляется, что этим отчасти обусловлено различие в том, как Палацкий и Томек воспринимали историческое значение битвы у Липан 1434 г. и последовавших за тем событий. В глазах Палацкого Липаны были трагедией: он описывал их как «могилу демократии», на которой «вырастал феодализм, чем дальше, тем неодолимее»¹⁰⁵. Томек же видел необходимость в том, чтобы «настоящая законная власть положила конец разрушению страны, проистекавшему из ее необузданности»¹⁰⁶. В компактатах, принятых после поражения радикальных гуситов, Томек видел возможность избежать

⁹⁹ *Tomek W. W. Jan Žižka*. S. 134.

¹⁰⁰ *Ibid.* S. 148.

¹⁰¹ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. D. III. Č. 2. / 2. vyd. S. 222.

¹⁰² *Tomek W. W. Jan Žižka*. S. 212.

¹⁰³ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. 2. vyd. Praha: Tempský, 1872. D. III. Č. 3. S. 3.

¹⁰⁴ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy*. D. VIII. Praha: Řivnáč, 1891. S. 1.

¹⁰⁵ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. D. III. Č. 3. / 2. vyd. S. 159.

¹⁰⁶ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy*. D. IV. S. 609.

трудностей Реформации XVI в. не только для Чехии, но и для всей Европы, упущенную, однако, из-за упрямства как окончательно сложившейся после их принятия уtrakвистской церкви, так и церкви римско-католической¹⁰⁷.

Несмотря на это, «подебрадскую эпоху» Томек в целом характеризовал положительно, вновь сближаясь с Палацким в трактовке событий национальной истории¹⁰⁸. Примечательно, что Томек принимал активное участие¹⁰⁹ в работе над посвященной непосредственно правлению Иржи из Подебрад второй частью четвертого тома «Истории чешской нации» Палацкого¹¹⁰. Схожим образом два историка оценивали и вошедшую в десятый том «Истории города Праги»¹¹¹ «ягеллонскую эпоху», характеризуя деятельность представителей польско-литовской династии на чешском престоле скорее негативно¹¹². В финальных томах своей «Истории» Томеку удалось описать первые восемьдесят два года пребывания Чехии в составе державы Габсбургов, но здесь автор «Истории города Праги» уже не переосмыслил нарратив Палацкого, а выстраивал свой вполне самостоятельно.

Заключение

Не считая последних двух томов «Истории города Праги», которые заслуживают отдельного рассмотрения, наиболее ценной и самобытной частью дела жизни В. В. Томека следует признать третий и четвертый тома, посвященные гуситской эпохе. Именно в них он и производит переосмысление нарратива истории гуситского движения, созданного Ф. Палацким, — важнейшей части его работы. Справедливыми следует признать слова М. Нодла, который заявил, что Томеку удалось «создать первый большой синтез гуситской революции с точки зрения политического центра»¹¹³. Рассматривая историю гуситского движения хоть и с консервативных, но безусловно патриотических позиций,

¹⁰⁷ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1886. D. VII. S. V–VI.

¹⁰⁸ Pazderský 2019: 338–343.

¹⁰⁹ Kořalka 1998: 396.

¹¹⁰ Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě. Praha: Tempský, 1860. D. IV. Č. 2.

¹¹¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. X. Praha: Řiwnáč, 1894. 632 s.

¹¹² Pazderský 2019: 343–346.

¹¹³ Nodl 2022: 146–147.

Томек произвел ревизию концепции Палацкого, акцентировав внимание на негативных последствиях гуситских войн и подчас разрушительных действиях радикального лагеря гуситского движения.

Парадоксально, что одновременно с этим В. В. Томек выступил с апологетикой Яна Жижки из Троцнова — многолетнего предводителя гуситского Табора. И именно этой части его работы была уготовлена наиболее счастливая судьба: «Ян Жижка» Томека выдержал не только два переиздания уже в постсоциалистический период¹¹⁴, но и был при жизни автора переведен на немецкий и русский языки¹¹⁵. Эта работа внесла существенный вклад в развитие чешской историографии: так, его интерпретации фигуры Яна Жижки из Троцнова как стабилизирующей фигуры придерживались выдающиеся гуситологи Р. Урбанек и Ф. М. Бартош, что стало значимым противовесом позиции Ф. Палацкого, которую восприняли Й. Пекарж и К. Крофта¹¹⁶. Более того, томековский Жижка оказал влияние на историческую прозу А. Ирасека¹¹⁷, что не в последнюю очередь объясняется тем, что Ирасек в студенческие годы посещал лекции Томека по истории¹¹⁸. Парадоксальным образом именно вспомогательное по отношению к «Истории города Праги» издание биографии Яна Жижки стало наиболее влиятельной частью научного наследия историка.

Почему же саму «Историю города Праги» ждала несколько менее счастливая участь? Одной из причин этого, безусловно, следует признать томековский стиль. «История города Праги» не только более чем в два раза объемнее «Истории чешской нации» — работа Томека, как представляется, значительно более сложна для восприятия. Он нередко отходил от большого нарратива, чего практически не делал Палацкий. Более того, действительно следует признать некую сухость стиля Томека, контрастирующую с живой литературностью Палацкого. Кроме того, Томек избегал больших выводов и обобщений, в первую очередь философских, которые были характерны для работы Палацкого. Следует признать справедливость замечания

¹¹⁴ *Tomek V. V. Jan Žižka / předml. opatr. P. Čornej. Praha: V ráji, 1993. 228 s.; Idem. Jan Žižka z Trocnova. Praha: Dobrovský, 2014. 265 s.*

¹¹⁵ *Tomek W. W. Johann Žižka / Übers. v. V. Prochaska. Prag: Otto, 1882. 246 s.; Tomek B. V. Ян Жижка / пер. с чеш. СПб.: ССБО, 1889. 256 с.*

¹¹⁶ Pazderský 2019: 331.

¹¹⁷ Čornej 2016: 88.

¹¹⁸ *Jirásek A. Z mých pamětí. 2. vyd. Praha: Otto, 1913. D. II. S. 22–25.*

Я. Голла, который, сравнивая двух историков, заключил: «Палацкий к истории пришел от философии, Томек — из права»¹¹⁹. Вероятно, как бывший юрист, Томек не смог дать чешской общественности ответы на ряд вопросов, на которые смог ответить Палацкий.

Помимо этого, свою роль сыграла и политическая деятельность Томека, которая также была значимой частью его биографии¹²⁰. При обсуждении убранства нового здания Музея Чешского королевства в 1889 г., Томек, руководствуясь как идейными, так и тактическими соображениями, выступил против установки на фасаде здания музея памятной доски с именем Яна Гуса, за что подвергся обструкции со стороны либеральных кругов¹²¹. Этот инцидент отбросил длинную тень на память Томека и создал своего рода контраст между «отцом нации» и его бывшим учеником.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что преимущественно негативные оценки характера и последствий гуситского движения Томеком проистекали не только и не столько из его политических и идеологических позиций, сколько из глубокого знания исторического материала, многолетней работы над пражской топографией. Возможно, поэтому своего рода «возвращение к Томеку» произошло в чешской историографии в последние десятилетия, когда восприятие истории гуситского движения стало менее политизированным.

Список сокращений

МГУ — Московский государственный университет

НЛО — Новое литературное обозрение

СГУ — Саратовский государственный университет

BU — Brněnská univerzita

ČSAV — Československá akademie věd

FF UK — Filozofická fakulta Univerzity Karlovy

HK — Historický klub

HÚ AV ČR — Historický ústav Akademie věd České republiky

HÚ FF JU — Historický ústav Filozofické fakulty Jihočeské univerzity

KČSN — Královská česká společnost nauk

NLN — Nakladatelství Lidové noviny

¹¹⁹ Goll 1928a: 128–129.

¹²⁰ Řezník (red.) 2006a.

¹²¹ Bezecný 2015.

Литература

- Бобраков-Тимошкин 2008 — *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М.: НЛЮ, 2008. 224 с.
- Галямичев 1988 — *Галямичев А. Н.* Гуситское движение в освещении немецкой либеральной медиевистики второй половины XIX века. Саратов: Изд-во СГУ, 1987. 86 с.
- Лаптева 2002 — *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // Топорков Л. Л., Иванова Т. Г., Лаптева Л. П., Левкиевская Е. Е. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 11–119.
- Мельников 2012 — *Мельников Г. П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т. Г. Масарика // Полвека в славяноведении: сб. науч. тр., посв. юб. засл. проф. МГУ Л. П. Лаптевой / отв. ред. О. В. Павленко, И. В. Крючков. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 186–193.
- Bezecný 2015 — *Bezecný Z.* Banda lupičů a žhářů: Boj o Jana Husa a husitství na českém zemském sněmu v r. 1889 // *Studia Theologica*. 2015. Sv. 4. S. 75–84.
- Butter 1931 — *Butter O.* Nové prameny k dějinám Vídeňského Denníku // *Duch novín*. 1931. № 3–6. S. 126–167.
- Goll 1928a — *Goll J.* Palackého program práce historické // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné. Praha: HK, 1928. D. I. S. 28–38.
- Goll 1928b — *Goll J.* Václav Vladivoj Tomek // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné. Praha: HK, 1928. D. I. S. 126–135.
- Górny 2018 — *Górny M.* Mezi Marxem a Palackým: historiografie v komunistickém Československu / z pol. přel. M. Benešová. Praha: Volvox Globator, 2018. 315 s.
- Čornej 2016 — *Čornej P.* Václav Vladivoj Tomek, Jan Žižka a husitská epocha // Čornej P. Historici, historiografie a dějepis: studie, črty, eseje. Praha: Karolinum, 2016. S. 76–90.
- Janáček 1968 — *Janáček J.* České dějiny: Doba předbělohorská. Praha: Academia, 1968. Kn. I.: 1526–1547. D. I. 281 s.
- Jeřábek 1978 — *Jeřábek D.* Václav Vladivoj Tomek a Karel Havlíček v letech bachovské reakce. Brno: BU, 1979. 98 s.
- Jiroušek 2005 — *Jiroušek B.* Historické myšlení Wácslawa Wladiwoje Tomka // Jaroslav Goll a jeho žáci / edd. B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümllová. České Budějovice: HÚ FF JU, 2005. S. 151–163.
- Jiroušek 2008 — *Jiroušek B.* Mýtus zaprodance: Wácslaw Wladiwoj Tomek v české historiografii // 19. století v nás. Modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly / vyd. přípr. M. Řepa. Praha: HÚ AV ČR, 2008. S. 370–377.
- Hoffmannová 2014 — *Hoffmannová J.* Václav Novotný (1869–1932): život a dílo univerzitního profesora českých dějin. Praha: Academia, 2014. 557 s.

- Kočí 1953 — *Kočí J.* Kosmopolitismus v Pekařově výkladu našeho národního obrození // *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* / ved. red. J. Macek. Praha: ČSAV, 1953. S. 61–78.
- Kořalka 1998 — *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha: Argo, 1998. 661 s.
- Kutnar, Marek 1997 — *Kutnar F., Marek J.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví / 2., přeprac. vyd. Praha: NLN, 1997. 1065 s.
- Macek (red.) 1953 — *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* // *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* / ved. red. J. Macek. Praha: ČSAV, 1953. S. 12–46.
- Nodl 2022 — *Nodl M.* Pazderský, Roman: Historik Wácslaw Wladiwoj Tomek a české dějepisectví 19. století // *Bohemia. 2022* (Bd. 62). № 1. S. 144–147.
- Novotný 1898 — *Novotný V.* Václav Vladivoj Tomek // *ČČH. 1898*. Sv. 4. S. 145–161.
- Pazderský 2014 — *Pazderský R.* Dochovaná korespondence Františka Palackého a Wácslawa Wladiwoje Tomka. Příspěvek k dokreslení jejich vzájemného vztahu // *Sborník archivních prací. 2014*. № 2. S. 355–404.
- Pazderský 2019 — *Pazderský R.* Historik W. W. Tomek a jeho význam v českém dějepisectví: dis. pr. Praha: FF UK, 2019. 594 s. (рукопись).
- Pekař 1930 — *Pekař J.* Žižka a jeho doba. Praha: Vesmír, 1930. D. III.: Žižka, vůdce revoluce. XVI + 330 s.
- Řezník 2005 — *Řezník M.* W. W. Tomek jako pedagog // Jaroslav Goll a jeho žáci / edd. B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümlová. České Budějovice: HÚ FF JU, 2005. S. 131–149.
- Řezník (red.) 2006a — *Český a rakouský politik W. W. Tomek* // W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905) / ed. M. Řezník. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2006. S. 31–57.
- Řezník (red.) 2006b — *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)* / ed. M. Řezník. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2006. 239 s.
- Řezník 2016 — *Řezník M.* The Institutionalization of the Historical Science between Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies // *Hungarian Historical Review. 2016*. № 2. P. 250–276.
- Šmahel 1993 — *Šmahel F.* Šmahel F. Husitská revoluce. Praha: HÚ AV ČR, 1993. D. I.: Doba vymknutá z kloubů. 498 s.
- Štaif 1997 — *Štaif J.* Historici, dějiny a společnost: historiografie v českých zemích od Palackého a jeho předchůdců po Gollovu školu, 1790–1900. Č. 1.–2. Praha: FF UK, 1997. 392 s.
- Urbánek 1903 — *Urbánek R.* V. V. Tomek (1818–1903). Hradec Králové: Městská rada, 1903. 27 s.

References

- Bezecný, Z., 2015. Banda lupičů a žhářů: Boj o Jana Husa a husitství na českém zemském sněmu v r. 1889. *Studia Theologica*, 4, pp. 75–84.
- Bobrákov-Timoshkin, A., 2008. *Projekt "Čechoslovákija": konflikt ideologií v První čechoslovácké republice (1918–1938)* ["Czechoslovakia" Project: An ideological conflict in the First Republic of Czechoslovakia (1918–1938)]. Moscow: New Literary Review, 224 p. (in Rus)
- Butter, O., 1931. Nové prameny k dějinám Vídeňského Denníku. In: *Duch novin*, 4, 3–6, pp. 126–167.
- Čornej, P., 2016. Václav Vladivoj Tomek, Jan Žižka a husitská epocha. In: Čornej, P. *Historici, historiografie a dějepis: studie, črty, eseje*. Praha: Karolinum, pp. 76–90.
- Galyamichev, A.N., 1988. *Gusitskoye dvizheniye v osvoshchenii nemeckoy liberal'noy medievistiki vtoroy poloviny XIX veka* [The Hussite movement in the coverage of the German liberal medieval studies of the second half of the nineteenth century]. Saratov: Saratov University Press, 86 p. (in Rus.)
- Goll, J., 1928. *Palackého program práce historické*. In: *Jaroslava Golla vybrané spisy drobné, I*. Praha: HK, pp. 28–38.
- Goll, J., 1928. *Václav Vladivoj Tomek*. In: *Jaroslava Golla vybrané spisy drobné, I*. Praha: HK, pp. 126–135.
- Górny, M., 2018. *Mezi Marxem a Palackým: historiografie v komunistickém Československu*. Praha: Volvox Globator, 315 p.
- Janáček, J., 1968. *České dějiny: Doba předbělohorská. Kn. I.: 1526–1547, I*. Praha: Academia, 281 p.
- Jeřábek, D., 1979. *Václav Vladivoj Tomek a Karel Havlíček v letech bachovské reakce*. Brno: BU, 98 p.
- Jiroušek, B., 2005. Historické myšlení Wácslawa Wladiwoje Tomka. In: Jiroušek, B., Blüml, J., Blümlová, D., eds. *Jaroslav Goll a jeho žáci. České Budějovice: HÚ FF JU*, pp. 151–163.
- Jiroušek, B., 2008. Mýtus zaprodance: Wácslaw Wladiwoj Tomek v české historiografii. In: Řepa, M., ed. *19. století v nás. Modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly*. Praha: HÚ AV ČR, pp. 370–377.
- Hoffmannová, J., 2014. *Václav Novotný (1869–1932): život a dílo universitního profesora českých dějin*. Praha: Academia, 557 p.
- Kočí, J., 1953. Kosmopolitismus v Pekařově výkladu našeho národního obrození. In: Macek, J., ed. *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin*. Praha: ČSAV, pp. 61–78.
- Kořalka, J., 1998. *František Palacký (1798–1876): životopis*. Praha: Argo, 661 p.
- Kutnar, F., Marek, J., 1997. *Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví*, 2nd edition. Praha: NLN, 1065 p.
- Lapteva, L. P., 2002. Lapteva L. P. Kraldovorskaya i Zelenogorskaya Rukopisi [Manuscripts of Dvůr Králové and Zelená Hora]. In: Toporkov, L. L.,

- Ivanova, T. G., Lapteva, L. P., Levkievskaya, E. E., eds. *Rukopisi, kotorykh ne bylo: poddelki o oblasti slavyanskogo fol'klora* [Manuscripts That Hadn't Existed: Falsifications in the field of Slavonic folklore]. Moscow: Ladomir, pp. 11–119 (in Rus.)
- Macek, J., 1953. Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin. In: Macek, J., ed. *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin*. Praha: ČSAV, pp. 12–46.
- Mel'nikov, G. P., 2012. Jan Gus i gusizm v filosofii cheshskoy istorii T. G. Masaryka [Jan Hus and the Hussitism in the philosophy of the Czech history of T. G. Masaryk]. In: Pavlenko, O. V., Kriuchkov, I. V., eds. *Polveka v slavyanovedenii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchyonnykh yubileyu zasluzhennogo professora MGU L. P. Laptevoy* [A Half of Century in the Slavonic studies: the collection of studies dedicated in honor of the jubilee of L. P. Lapteva]. Moscow: Moscow University Press, pp. 186–193. (in Rus.)
- Nodl, M., 2022. Pazderský, Roman: Historik Wácslaw Wladiwoj Tomek a české dějepisectví 19. století. *Bohemia*, 62, 1, pp. 144–147.
- Novotný, V., 1898. *Václav Vladivoj Tomek. ČČH*, 4, pp. 145–161.
- Pazderský, R., 2014. Dochovaná korespondence Františka Palackého a Wácslawa Wladiwoje Tomka. Příspěvek k dokreslení jejich vzájemného vztahu. *Sborník archivních prací*, 2, pp. 355–404.
- Pazderský, R., 2019. *Historik W. W. Tomek a jeho význam v českém dějepisectví*: dis. pr. Praha: FF UK. 594 p. (manuscript).
- Pekař, J., 1930. *Žižka a jeho doba. D. III.: Žižka, vůdce revoluce*. Praha: Vesmír, XVI + 330 p.
- Řezník, M., 2005. W. W. Tomek jako pedagog. In: Jiroušek, B., Blüml, J., Blümlová, D., eds. *Jaroslav Goll a jeho žáci*. České Budějovice: HÚ FF JU, pp. 131–149.
- Řezník, M., 2006. Český a rakouský politik W. W. Tomek. In: Řezník, M., ed. *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)*. Pardubice: Univerzita Pardubice, pp. 31–57.
- Řezník, M., ed., 2006. *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)*. Pardubice: Univerzita Pardubice, 239 p.
- Řezník, M., 2016. The Institutionalization of the Historical Science between Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. *Hungarian Historical Review*, 2, pp. 250–276.
- Šmahel, F., 1993. *Husitská revoluce. D.I.: Doba vymknutá z kloubů*. Praha: HÚ AV ČR, 498 p.
- Štaif, J., 1997. *Historici, dějiny a společnost: historiografie v českých zemích od Palackého a jeho předchůdců po Gollovu školu, 1790–1900*, 1.–2. Praha: FF UK, 392 p.
- Urbánek, R., 1903. *V. V. Tomek (1818–1903)*. Hradec Králové: Městská rada, 27 p.

Timur V. Gimadeev

PhD, Vocational Teacher, Kazan State Agrarian University,
Kazan, Tatarstan, Russia. 420015, ul. Karla Marxa 65.
E-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com

Revising the National Narrative: *History of the Town of Prague of Václav Vladivoj Tomek*

The article is devoted to V. V. Tomek's opus vitae: his twelve-volume "History of the town of Prague", which was published between 1855 and 1901. In this rather unfinished work, V. V. Tomek tried to revise—at least, partially—the narrative of Czech medieval history as created by František Palacký in his monumental work "History of the Czech nation". Paradoxically, Tomek decided to do that as Palacký's former disciple. However, the paths of the two historians diverged during the 1850's era of "Bach's absolutism", and their later reconciliation did not lead to the restoration of V. V. Tomek's rank as a disciple. Nevertheless, Tomek mostly agreed with Palacký's view of Early and High Medieval Czech history. It was the Hussite era that contributed to the main discrepancy between these two historians. The Hussite movement in fifteenth century Czech territories was actually the main topic of interest for both Palacký and Tomek. From Palacký's liberal and Protestant perspective, the Hussitism constituted the "zenith of the Czech history". The view of Tomek was far more nuanced: Tomek considered the Hussite era as one of the most important periods in Czech history, though, while his sympathies were on the Hussite side, however, as a Catholic and conservative, Tomek harshly condemned the revolutionary radicalism of the Hussite era. Topographic studies by Tomek, to which he dedicated about two decades of his life, were also an important element, leading him to the conclusion that fifteen years of the Hussite wars deprived Prague of a century of development. Tomek became the first author to provide a centrist narrative of the Hussite era, but he was not able to cement his view in the mind of the public, probably because of his lack of a wider historical vision, which in turn was prevalent in Palacký's work.

Keywords: Czech history, Czech historiography, František Palacký, Václav Vladivoj Tomek, history of Prague, nineteenth century, Hussite movement

Received: 7 June 2025

Accepted: 1 July 2025

How to cite: Gimadeev, T. V., 2025. "Istoriia goroda Pragi" V. V. Tomeka: pereomysliia natsional'nyi narrativ. *Central-European Studies*, 8, pp. 249–273. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.9>